

Наболтали, а сами сделать не можем (22 и 26 сентября 1964 года)

С утра во вторник, 22 сентября, отец пригласил к себе Секретаря ЦК по промышленности Рудакова, председателя Всесоюзного совнархоза Устинова, первого заместителя Госплана СССР Горегляда (его председатель Ломако в сентябре отдыхал в Крыму) и начальника ЦСУ Старовского обсудить наметки на следующую пятилетку 1966–1970 годов. Совещались более двух часов и так ни до чего не договорились, пятилетка пока не утрясалась.

Чтобы передать атмосферу обсуждения, я ниже приведу отрывки из замечаний, высказанных отцом и, насколько получится, воздержусь от комментариев.

Отец соглашается со Старовским: «Цикл проектирования и строительства предприятий, оснащенных современными сложными технологиями, в пятилетие никак не втискивается. Возможно, следует разделить оставшиеся до 1980 года пятнадцать лет реперного срока, заявленного в Программе партии, на две части «восьмилетку и семилетку или семилетку и восьмилетку, пусть Госплан подумает, что лучше».

«...Надо смелее развивать производство средств потребления, – отец обозначает задачу на будущее. – Главная наша задача – удовлетворение потребностей людей, на первый план надо ставить человека, и средства производства должны служить этой цели. Это раньше мы ставили задачу наоборот...»

Об этом, как и восьмилетке-семилетке, они уже говорили 24 июля на Президиуме Совета Министров. Отец все еще раз обдумал и утвердился в правильности выбираемого направления. Остальной разговор сводится к тому, как реализовать поставленные задачи. Прежде всего, необходимо достичь мирового уровня.

«Потребуйте от ученых анализ уровня продукции зарубежных фирм в сравнении с нашим, – обращается отец к Устинову. – Пригласите людей, разбирающихся и в технике, и в экономике, таких, как Федоренко Николай Прокофьевич, директор Экономико-математического института, я читал его статьи, а вот книгу, которую он мне прислал, еще прочесть не успел. Ученые должны служить нашим барометром, следить за колебаниями в мире, за развитием экономики и техники, докладывать нам вовремя. По их рекомендациям давайте закупим за рубежом лицензии и начнем планировать, отталкиваясь от этого уровня. Я повторяю, надо покупать за границей производства вместе с лицензиями. Покупать лицензии – единственный выход. Нельзя в науке игнорировать зарубежные достижения, жить в условиях автаркии. А то мне объясняют, что не купили завод по производству винола, так как в Ленинграде мы вот-вот получим свой винол. И уже сколько лет нас за нос водят.

...Сейчас иностранцы стучатся к нам во все двери, предлагают кредиты для закупки химического оборудования. Такого еще не бывало, и давайте воспользуемся, купим все передовое... Наши же ученые еще семь лет будут догонять сегодняшний уровень Запада, а Запад за это время уйдет еще дальше!

...Руднев, к сожалению, этого не видит. Он человек честный, порядочный, но отбивается от докучливых проблем, законопачивает все щели в дверях своего комитета, чтобы не влезла какая-нибудь докучливая бактерия.

Берите пример с японцев, они поднялись из пепла, из первобытного состояния, покупали лицензии, копировали, затем начали вкладывать свое и теперь Америку бьют, а мы сами всё знаем, всё понимаем, болтаем, но сделать не можем, и от себя свое неумение скрываем. Это у нас от зазнайства. Что мы делаем – это ужасно, мы находимся на рубеже славы или

позора. Нельзя строить новые заводы, закладывая в производство технологический уровень, который за границей – уже пройденный этап.

...Что мы делаем для химии? Ни одна страна не имеет такого низкого технологического уровня, как мы. По некоторым видам продукции у нас выход полезных веществ 10 процентов, а у японцев – 40–50 процентов. Это позор для нашей партии.

...Наши внешнеторговые органы ведут переговоры совершенно без политики. Мы купили у голландцев два-три завода, производящие винол, но, боюсь, мы купили не то, что сегодня нужно. Вот передо мной лежит справка: мощность голландского оборудования 180, а японского 360 тонн винола, при том, что и там и тут работает одинаковое количество агрегатов!»

Тут Рудаков подает реплику, что японцы больше винол не производят, перешли на полипропилен.

«Давайте купим полипропилен, – соглашается отец. – Но я бы хотел получить грамотное техническое заключение. Мне говорили, что винол самое дешевое сырье для производства канатов, рыболовецких сетей, брезента, бельтинга».⁹⁴

Дальше речь заходит о жилье. Устинов жалуется, что запланированные темпы строительства не обеспечат достижения в 1970 году предусмотренных 12 квадратных метров на человека, получается только восемь. Отец соглашается, что средств на все не хватает, хотя и так никто в мире больше нас не строит. Он предлагает сейчас «расширять сеть детских садов, обеспечить там бесплатное питание, а с бесплатным жильем можно лет на пять и задержаться, во всяком случае в Москве, Ленинграде, Киеве. Мы уже построили три Москвы, и все мало. «Для больших городов, – по мнению отца, – выход в жилищных кооперативах».

Обо всем этом тоже говорили 24 июля. Оно и понятно, основные направления развития экономики на ближайший период практически вырисовались. Сейчас отец пытается совместно найти наиболее эффективные пути их реализации. В современной науке такой подход называют мозговой атакой.

Время подошло к полудню, секретарь напоминает, что пора обедать, а там отца ждут новые посетители. Договариваются продолжить разговор через два-три дня.

После обеда отец беседует с председателем Госкомитета по химии Виктором Степановичем Федоровым, а ближе к четырем принимает посла Кубы Оливареса Санчеса и Рискета Вальдеси, партийного секретаря провинции Ориенте.

23 сентября отец провожает во Внуково Али Сабри и следом сам улетает в Тюратам. Там на полигоне для показа высшему государственному и военному руководству подготовлена выставка стратегической ракетной и космической техники. О поездке отца в Тюратам можно прочитать в «Рождении сверхдержавы».

В Москву отец возвращается во второй половине дня 25 сентября, а уже ближе к вечеру собирает Президиум ЦК, делится впечатлениями с коллегами. Наряду с достижениями, а они очевидны, отец отмечает, что «хозяйства на полигоне разбросанные, у каждой ракеты своя площадка, а это миллионные затраты и, возможно, излишние».

На следующий день, в субботу, с утра отец совещается с помощниками, а в половине одиннадцатого, как и договаривались, к нему в кабинет заходят Устинов с Гореглядом и присоединившийся к ним по пути Косыгин. На 11 часов назначено совместное заседание Президиума ЦК с Президиумом Совета Министров. В повестке дня продолжение обсуждения пятилетки 1966–1970 годов. Отец просматривает подготовленные материалы, Горегляд докладывает об изменениях, внесенных в документ по результатам предыдущего рассмотрения, и они все вместе переходят в зал заседаний Президиума ЦК.

---

⁹⁴ Бельтинг – прочная техническая ткань для изготовления конвейерных лент и приводных ремней.

Сначала в узком кругу решают текущие дела: удовлетворяют просьбу Кубы о поставке оружия, а Чехословакии – зерна. Затем обсуждают предложения Горегляда. Сам он не выступает, в этом нет необходимости, его доклад разослали членам Президиума ЦК заранее, и кто хотел, имел возможность с ним ознакомиться. В обсуждении доклада приняли участие Микоян, Рудаков, Полянский, Пономарев и еще кто-то. До большого заседания остается еще некоторое время, и слово берет Хрущев. Он говорит о приоритетах, они те же, что и в его выступлениях 24 июля и 22 сентября. Это свидетельствует о том, что в главном он уже определился. В начале отец повторяет свою, по сути, невинную мысль о целесообразности подумывать о семи-восьмилетке вместо пятилетки. Я уже приводил его аргументы. Косыгину жалко расставаться с пятилеткой, и он перебивает отца, по его мнению, «надо взять за основу десятилетний период, – две пятилетки, первая – оперативный план, вторая – прогноз. Все очень замечательно получается, громадный план, перспективы для развития тяжелой промышленности, энергетики, химии, металлургии, рудного дела – все это вместе взятое дает возможность составить очень интересный план». По существу наполнения плана Алексей Николаевич придерживается привычной стратегии первоочередного развития средств производства, тогда как у отца иные приоритеты. «На это восьмилетие, – Хрущев продолжает оперировать “своим” временным периодом, – главная задача: производство предметов потребления, с тем чтобы удовлетворить растущие запросы народа. Мы должны держать во главе угла и по объему, и по техническому уровню средства производства для обеспечения выпуска предметов потребления. Наша цель – не развитие индустрии самой по себе, это не цель, а самоцель, необходимо приложить все усилия для производства предметов потребления. Это надо отчеканить!»

Что же касается сроков, то отец не настаивает: «Для меня это не имеет большого значения», – примирительно заявляет он, но тут же повторяет свои аргументы, почему семь и восемь лучше, чем пять и пять. Никто ему не возражает. Через три недели эта «не имевшая большого значения» фраза «выйдет отцу боком», на заседании Президиума ЦК 14 октября Полянский припомнит отцу «не санкционированную заранее Президиумом ЦК, восьмилетку-семилетку».

Далее отец провозглашает, уже в который раз, требование ориентироваться на мировой уровень. Здесь я снова прибегну к цитированию, только живая речь отца способна, хоть частично, донести до читателя владевшие им эмоции. Он повторяется, и я повторяюсь вслед за ним, но ничего не поделаешь, в реальной жизни все именно так и происходило. Мысли любого человека вращаются вокруг волнующей его главной темы.

«Мы настолько привыкли вариться в собственном соку, все делать сами, что игнорируем во вред своей экономике (кооперацию с зарубежными фирмами. – С. Х.). Это результат верхоглядства и зазнайства, стремления все делать своими силами, тогда как за граница предлагает нам на выгодных условиях... покупку передового оборудования, агрегатов, приборов, лицензий... Глупо этим не воспользоваться.

...Если мы теперь заложим в план то, что уже имелось в мире десять-двадцать лет тому назад, то наши заводы, чей срок жизни составляет двадцать лет, будут отставать по уровню производства уже не на десять-двадцать, а на тридцать-сорок лет.

...Капиталисты вводят завод в строй за два года, мы – за пять лет, и все потому, что мы не обеспечиваем комплексной поставки оборудования.

...Капиталисты предлагают продать заводы под ключ, а наши конструкторские бюро, имея только лабораторные образцы, доказывают, что мы сами можем это сделать. Переход же от эксперимента к полной заводской технологии занимает годы. Из престижных соображений, из экономии валюты мы отказываемся от закупки лицензий и комплексного оборудования и в результате теряем в несколько раз больше».

Покупка лицензий и немедленно, настаивает отец, – «иначе нам грозит автаркия, самоизоляция».

«... Вот, собственно говоря, основное, что я хотел сказать. Я поднял гвоздевые вопросы обсуждаемого плана, есть много других проблем, но о них скажет докладчик (Горегляд. – С. Х.)».

Этими словами отец заканчивает свое эмоциональное выступление.

Устинов просит его еще «сказать относительно капитального строительства с точки зрения выполнения планов этого года и будущего. Для нас это будет отправной базой».

Отец не возражает по существу, но они уже опаздывают на заседание, времени для продолжения разговора не осталось.

– Никита Сергеевич, скажите о правильных пропорциях в плане, – не дает ему подняться с места Косыгин.

– А что же тогда докладчику говорить? – отшучивается отец. Он уже выговорил все самое главное, остальное, в том числе и пропорции в плане, дело самих Косыгина с Гореглядом.

В этот момент Малин напоминает, что в Свердловском зале уже собрались секретари республиканских и областных партийных комитетов, главы совнархозов и областных советов, члены Совета по науке и Президиума Академии наук, приглашенные на расширенное заседание двух Президиумов, ЦК и Совмина.

На «большом» заседании председательствует Хрущев. Он предоставляет слово Горегляду. Алексей Адамович говорит более часа, сыплет цифрами и процентами роста. Затем приступают к прениям. Они не стенографировались.

После окончания заседания члены Президиума и секретари ЦК обменивались мнениями в комнате отдыха.

– Ну как, товарищи, ваше мнение? – поинтересовался отец.

– Хорошо, отлично, – дружно прозвучало в ответ.

«Больше всех старался Брежнев, – записал в дневник Шелест, один из активнейших заговорщиков. – Больно и обидно было слушать, становилось попросту страшно. Какая гнусная вещь – лицемерие, ни у кого не хватало мужества сказать правду».

Какую правду? Судя по стенограмме, отец высказал здравые и, на мой взгляд, очевидные вещи.

13 октября все тот же секретарь ЦК Компартии Украины Шелест заявит, что «на последнем заседании о плане они не поняли ничего», но, что он конкретно не понял, не уточнит.